

22
34
8

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

19

39

ГОСЛИЗДАТ

А. ДЕРМАН

что покрытой изумрудным шелком озими.. Он чувствовал себя одиноким, вырванным и выброшенным навсегда из того порядка жизни, в котором вырабатывалась та кровь, что течет в его жилах».

Воображаю, с какой уверенностью строгий текстолог Н. Л. Бродский засчитил бы приведенное место в разряд «короленко-правок», если бы оно исчезло в последующих изданиях рассказа!

Очень соблазнительно привести еще один пример удаления «короленко-ской правки», но статья моя и без того разрослась, а существенной надобности в дальнейших аргументах против этой части статьи. Н. Л. Бродского я, по правде говоря, не вижу. Но об одном обстоятельстве я все же должен упомянуть.

Если редактор вносит в произведение автора те или иные исправления, чужеродные для данного произведения, то, как только представляется малейшая возможность, автор, конечно, их удаляет. Как же иначе? И можно ли сомневаться, что и Горький удалил из «Челкаша» эти чужеродные народнические «короленко-правки» при первой к тому возможности?

Но и тут сюрприз! «Челкаш» появился в «Русском богатстве» в 1895 году, а три года спустя, в 1898 году, вошел в первый сборник рассказов Горького, где автор был уже свободен от редакторского произвола. Но все «короленко-правки» уцелели и в этой редакции! Уцелели они и при втором издании сборника, и при третьем. И только в четвертом издании, а по указанию некоторых библиографов — в шестом, вышедшем в 1903 году, через восемь лет после произведенных волею Короленко искажений, они были «удалены» волею автора... Как видим, Алексей Максимович довольно терпеливо сносил этот «идеологический плен» у Короленко...

После всего сказанного можно подвести итоги.

Разобранная нами часть статьи Н. Л. Бродского затрагивает три существенных вопроса.

Первый: вопрос о характере творчества молодого Горького.

Второй: о Короленко как редакторе.

Третий: о методе в текстологической работе.

По первому вопросу: работа Н. Л. Бродского дезориентирует читателя, выдавая за редакторские правки органические куски несомненно авторского текста, неразрывно слитые с контекстом.

По второму вопросу: работа Н. Л. Бродского извращает до неузнаваемости облик Короленко как редактора.

По третьему вопросу: работа Н. Л. Бродского является по существу произволом в текстологическом исследовании, игнорирующим факты непререкаемого значения. По форме — это поистине классический пример порочного круга в «научной» работе, ибо аргументация его построена по типу: Короленко правил «Челкаша», что подтверждается наличием в рассказе «короленко-правок»; «Челкаша», что подтверждается наличием в своем очереди доказывается тем, что Короленко расналичие же последних в свою очередь доказывается тем, что Короленко расказ правил. Это не метод, а те, изобретенные в Англии, деревянные ноги из «Повести о капитане Копейкине», которые «при одном прикосновении к незаметной пружинке» уносили человека «бог знает в какие места, так что после нижде и отыскать его нельзя было».

ОБЗОРЫ БИБЛИОГРАФИЯ

Виктор Боков

О народной частушке, ее издателях и фальсификаторах

Немалая часть областных изданий фольклора приходится на долю самого распространенного в наше время жанра народной поэзии — частушки. Спрос на нее велик, весьма редкие и неудачные издания центра этого спроса не удовлетворяют, и области и районы выпускают сборники частушек своими силами; но, знакомясь с изданными сборниками, мы видим, что и там выпускают частушки люди, не осведомленные в этом вопросе. Так, из семи изданий последних лет — саратовский, курский, куйбышевский, иваново-промышленный, донской, кубанский, северный сборники и, наконец, капитальный выпуск Гослитиздата¹ — не выберешь ни одного подлинно народного сборника, отражающего современное творчество. Ни один из них не обошелся без обилия частушек поддельных, иногда опошляющих политические темы исключительной важности.

Отсутствие вкуса и минимальной поэтической культуры — вот что характеризует составителей сборников частушек, хотя некоторые из них при подборе текстов и берут на себя почетную задачу «отобрать лучшие, более художественные образцы частушечного творчества». В предисловии к объемистому сборнику саратовских частушек читаем: «В распоряжении издательства было около десяти тысяч частушек. Из них включено в сборник менее десятой части. Отбирались лучшие не только по содержанию, но и по форме. Это даёт основание надеяться, что настоящий сборник окажется полезным и в деле распространения полноценной советской частушки и вытеснения грубой, нехудожественной частушки, подчас еще распеваемой, за неимением лучших, в колхозной деревне».

Что же саратовские издатели преподносят колхозникам? Возьмем наугад любую страницу и прочтем:

Я способная деваха,
Вышиваю по канве,
Я в колхозе, словно птаха,
Увидала жизни свет.

Разыгрался ветер буйный,
Разыгрался, как свирель,
Сколько грамотных, культурных
Стало девушек в селе.

(саратовский сборник)

Пока еще не анализируя, скажем, что эти частушки ничего общего с настоящей народной частушкой не имеют, что это явная фальсификация. Она об-

¹ «Песни донского казачества». Сталинград. 1936.

«Колхозные частушки». Иваново-Промышленный. ГИЗ. 1936.

«Колхозные частушки». Изд. «Курская правда». Курск. 1936.

«Колхозные частушки». Саратовский облизд. 1937.

«Колхозные частушки». Куйбышев. 1935.

«Колхозные частушки». Куйбышев. 1937.

«Частушки». Гослитиздат. 1937.

нажаётся еще более, когда мы встречаем уже совсем пошлые песенки, в которых даже самая форма частушки отсутствует:

Люблю я красные цветочки
В лугах зеленых собирать,
Люблю стахановку я Тосю,
Что план умеет выполнять.

(саратовский сборник)

Легко умножить подобные примеры, но довольно и этого, чтобы разглядеть, что саратовские составители, захотевшие исправлять вкус народа, сами не имеют вкуса и выпускают в свет не те песни, что поет народ, а те, что состряпаны на скорую руку халтурщиками. Разве можно солгать о наших девушких-колхозницах более омерзительно, чем это делает «частушечник» саратовского сборника:

Парни, ежели гулять
С нами вы хотите,
Облигаций новеньких
Нам приобретите!

Найдется ли хоть одна девушка, которая осмелится это спеть? Мы думаем, что нет, такой девушки не найдется, такой частушки народ не поет и петь не будет, как и почти все частушки саратовского сборника. Народ поет:

Ты не очень расходися —
Жена мужу говорит.
Трудодни в конце покажут,
Кто кого будет кормить!

Может быть, составителям сборников покажется эта песня грубой, а вот народу она нравится, колхозницы ее поют — потому что в этих простых словах выражена большая правда нашей жизни: женщина, имея право на труд, может жить самостоятельно, вне былой рабской зависимости от мужчин.

Из цитируемого предисловия к саратовскому сборнику мы узнаем, будто в деревне подлинной советской частушки еще нет. Но это опять-таки ошибка, потому что советская частушка есть, она живет в народе, ее-то и надо было издавать, бережно собирая, не гонясь за количеством, как это ошибочно делается до сих пор. К частушке подходят многие с требованием, чтобы она отражала все вопросы жизни, даже агрономическую технику, — и вот уже находятся люди и дают частушку, в которой указывается, как сажать картофель, как проправлять семена, как плести и ставить щиты при снегозадержании. В этом случае забывают, что частушка относится к области поэтического искусства и подчиняется тем же законам, которые существуют для произведений всей художественной литературы, следовательно, и задачи ее те же.

Ни в одном из сборников не видно заботы о том, будут ли выпускемые частушки исполняться. Ноты с напевами никогда не прикладываются, поэтому сборники по выходе лежат в библиотеках без движения, как ненужный мертвый груз, — в лучшем случае, как справочник для очерристов, черпающих отсюда «украшения» к своим очеркам колхозной жизни. Сборники частушек должны давать то, что есть лучшего в этом творчестве, хранить то, что создано, пополнять все время это созданное вновь созданным, показывая постепенное накопление и обновление народной поэзии. Выпускаемые сборники не отражают творчества, поэтому они умирают, не успев выйти в свет, и повторные издания частушек в один и тех же областях разнятся текстами настолько, что их сочиненность, случайность, ненародность очевидны (например, издания частушек в Куйбышеве за 1935 и 1937 годы).

Массовое появление фальсификаторских частушек и пренебрежение к частушке подлинной заставляет вынести этот вопрос на суд широкой общественности.

Нередко можно услышать жалобы на то, что частушки подделываются, но все аргументы, которыми оперируют при подобных заявлениях, сводятся к чисто вкусовым ощущениям. Между тем частушки народные и поддельные «под народ» резко отличаются друг от друга такими качествами, которые могут быть определены объективно.

Некоторые фольклористы считают частушку явлением, порожденным упадком русской песни, и интересуются ею только с этой «точки зрения». При таком взгляде роль частушки сводится, в лучшем случае, к обслуживанию текущих кампаний. Этот неверный взгляд не мог не отразиться на упомянутых изданиях: требование художественности и подлинности, может быть, перед большинством издателей и не возникало. Ясно, что такое скептическое отношение к частушке мешает борьбе за художественную, глубокую, подлинно народную культуру.

О частушке, как форме упадочной, можно было бы говорить в том случае, если бы частушка потеряла реализм, присущий песне протяжной, лирической. Однако мы видим, что частушка отражает явления жизни реалистически и обобщенно, чем и объясняется широкое распространение одних и тех же текстов по всей нашей стране. По нашему мнению, здесь приходится говорить не о упадке народной поэзии, а о новой ее форме, порожденной разложением патриархального уклада в деревне, увеличением подвижности человеческих судеб и человеческой психологии.

Но до революции частушка творилась и исполнялась деревенской молодежью, в большинстве своем неграмотной, с узким общественным кругозором. Все же частушки, даже на чисто бытовые темы, имели характер социальный, и он был яснее всего выражен в частушках, посвященных рекрутчине, войне, распаду патриархальной крестьянской семьи, когда из-за земельного недостатка кто-нибудь вынужден был при разделе уходить в город с котомкой за плечами. Такой оторвавшийся от деревни молодой крестьянин ярко очерчен Горьким в рассказе «Челкаша». Это он, перед тем как пойти бродить по Руси, мог петь у себя в деревне:

Побрратимко, брат родной,
Давай поделимся с тобой.
Тебе соха и борона,
А мне чужая сторона.

В данном случае мы имеем глубоко реалистическое отражение социального конфликта. Но таких частушек было сравнительно мало.

Октябрьская революция преобразовала молодежь — и мы видим, как сразу обогатилась и расширилась тематика частушки. Жизнь дала новый богатый материал. Когда девушка поет:

Милый едет на машине,
А я еду на другой.
Милый в розовой рубахе,
А я в кофте голубой, —

это не только любовная песня. Переосмысливаются старые трактовки некоторых традиционных тем. Так, известные всем серии полуругательных частушек о соперницах вдруг звучат совершенно по-новому:

Кто соперницу ругает,
Я не буду ни почем.
Если милый сам не любит,
То соперница при чем!?

Могла ли эта частушка появиться при старых деревенских отношениях? Конечно, не могла, ее родила революция, воспитав людей в духе личной независимости и уважения к личности другого человека. Могла ли раньше девушка спеть частушку, в которой так самостоятельно решается вопрос о ее судьбе в будущей семье мужа:

— Милый мой, твои родители
Желают ли меня?
— Тебе что мои родители,
Желал бы только я.

И этот бытовой вопрос решила революция.

Советские частушки поет не только молодежь. Уже обозначились частушки, творимые людьми взрослого возраста. Это новое явление стоит в прямой связи с увеличением инициативы, самостоятельности, самодеятельности всего советского народа.

Процесс создания частушки очень сходен с литературным процессом. Подобно тому, как ежедневно пишется и печатается множество стихов, точно так же каждый день рождается в народе множество частушек: и если из написанных стихов уцелеет в живой литературе незначительное количество, то и из созданных частушек будут жить немногие, остальные забудутся тут же, после того как они были съимпровизированы на улице или неудачно выдуманы заранее. Только художественная частушка остается, живет и не знает границ — вы услышите ее и на Волге, и в Воронежской области, и в Рязани, и в Сибири, и на Дальнем Востоке, и под Москвой.

При определении подлинности частушки мы должны принимать во внимание ее распространенность; что же это будет за народная частушка, если она печатается в сборнике, а ее nigde никогда не поют?

Но частушка только тогда любима и известна в народе, когда во время отвечает на вопросы, волнующие народ. Ей, как всякому подлинно реалистическому искусству, свойственно отбирать в жизни типичное, открывающее сущность явления. Органически не терпит народная частушка натурализма, этого идеино беспомощного, антихудожественного метода, который мы могли наблюдать в двух различных стадиях литературного развития; либо он является следствием становящегося на ноги реализма, который еще не набрал сил обобщить увиденное в жизни, либо выражает упадок реализма. Вечная юность народной поэзии заключена в глубоком реализме ее.

Одним только штрихом частушка очень тонко передает то время, в которое она возникла:

Паровоз, паровоз,
Как тебе не стыдно?
Спекулянтов насажал,
Самого не видно!

Отношение народа к тунеядцам времен гражданской войны высказано здесь с большим чувством юмора и сатиры одновременно.

Частушка поражает нас точностью и ощущимостью обстоятельств, в которых действует ее герой:

Где-то, где-то засыпали,
Где-то затальянили.
Не по мысли сватают —
Только лавки заняли!

Вы сразу представляете себе состояние девушки, которую пришел сватать чужой для нее человек. Как бьется ее сердце, когда она слышит засыпавшую где-то гармонь: там свобода, там гулянье, там столько хороших ребят, — и уже она обязательно выберет себе жениха сама, хорошего и по мысли.

Народная частушка никогда не пользуется схемой, как поддельные частушки, вроде:

Сирень-веточку ломаю,
Сирень-веточку рублю.
Со стахановцем гуляю,
А лодыря не люблю.

(саратовский сборник)

Никто так в жизни не говорит и не думает, жизнь гораздо сложнее. Жизнь поет свое, другое:

Что ты, миленький, гордишься,
Чем же ты прославился,
В бригадиры не годишься,
Конюхом не справился!

Сразу видишь девушку, которая любит человека, не умеющего как следует работать и еще гордящегося перед ней; чувствуешь, что после этого упрека, сказанного любимому с болью, он должен взяться по-настоящему за работу.

Ну, какая там любовь —
Ты домой и я домой.
А по-моему, любовь:
Ты домой и я с тобой!

Мысль как бы нечаянно слетает с уст певца и сразу выливается в афористическую форму, потому что она созрела еще до того, как появилась частушка-афоризм.

Непосредственность и откровенность, умение во всем подмечать типичное (будь это высказанная мысль, будь это пейзажная зарисовка, будь это чувство, будь это образец юмора) — основное для распространенной, любимой, а следовательно, народной частушки.

Едет трактор новенький,
Тракторист молоденький,
Я хотела ручку дать, —
Тракториста не видать.

Это типичная картинка советской деревни с трактористом, сидящим за рулем, в проходящей мимо него девушкой, знающей, что тракторист обязательно молоденький, хотя его не видно за облаком пыли!

За последние годы выдвинулся особый вид частушки, представляющий собой афористически скжатое высказывание на какую-либо важную политическую тему:

Или:
Октября завоеванья
Мы навеки сохраним,
Нам чужой земли не надо
И своей не отдадим.
По заветам Ленина,
По советам Сталина,
Мы построили колхозы —
Верный путь крестьянина.

Художественная сила этих частушек заключена в умении обобщить самое обыденное и в то же время самое величественное в жизни народа. Второй, очень распространенный тип частушки — лирический — строится обычно на приеме психологических параллелей, встречаемом еще в народной песне. Только здесь он более подвижен и скжат, чем там. Лучшие из таких частушек соблюдают точную параллель во всем ходе мысли:

Сеял репу — не взошла,
Сватал девку — не пошла,
Пересея — так взойдет,
Пересватаю — пойдет.
Скоро речка вскроется,
Скоро лес покроется,
Скоро миленький приедет,
Сердце успоконится.
Светит месяц высоко,
Не достанешь палочкой,
Живет милый далеко,
Не пройдешься парочкой.
Говорят, что елка желта,
Елка зеленехонька,
Говорят, что я угрюма,
А я веселехонька.

Третий тип частушки, являясь весьма распространенным, не имеет своего определения. Условно можно такую частушку назвать частушкой-новеллой. В ней рассказывается всегда какой-то частный жизненный эпизод, вызывающий представления значительно более широкие:

Как колхозные ребята
Начинают богатеть,
Избы строят, тесом кроют,
Любо-мило посмотреть.

Каждый раз частушка-новелла рассказывает о конкретном событии, причем каждое из них получает большую поэтическую выразительность.

Мы не думаем, конечно, установить здесь хотя бы только основные типы советской частушки и, тем менее, дать им художественную характеристику. Наша цель иная: противопоставить существующим «научным» предрассудкам убеждение, что частушка — ценная часть современного народного творчества, что она заслуживает — и требует! — серьезного внимания. Этого внимания нет, и отсюда происходит немалая путаница.

Частушки фальсификаторские обычно называют «сочиненными»: что народная частушка падает с неба в готовом виде! Но в том-то и дело, что все частушки сочиняются, и мы не против того, чтобы они сочинялись. Весь вопрос в том, как они сочиняются. А сочиняются они часто очень плохо.

Если подлинно народная частушка характеризуется правдивым отражением жизненных положений, поддельная всегда фальшивит против этого. И какую бы ложно-народную частушку мы ни взяли, обязательно обнаружим эту фальшь.

Приведем несколько примеров:

Через речку плывет лодка,
А в реке закат, закат.
Мне теперь одна заботка —
В клубе вывесить плакат.

Меня Сема звал в кино,
Все девчата видели.
Мне же задание дано
В клубе стены выбелить.

Не успели пожениться,
Женка мне заладила:
— Чтобы не было нам скучно,
Заведи-ка радио.

Милый говорит Катюше:
«Если делать ничего,
Приходи-ка в клуб послушать
Патефон наш вечером».

(из указанных сборников)

Случай берутся возможные, но какое отношение они имеют к поэзии? С таким же успехом можно зарифмовать все. Как бы на вас посмотрела веселящаяся колхозная молодежь, если бы вам вздумалось выйти в круг, где поются частушки, сменить одну из частушечниц и запеть о том, что у вас «одна заботка — в клубе вывесить плакат»; что в кино вы сегодня не пойдете, потому что будете белить стены клуба, что сегодня вы купили бритву и побрились, а завтра вы будете до обеда спать, так как будет день отдыха? На вас посмотрели бы с опаской: уж не рехнулись ли вы, в лучшем случае освистали бы и осмеяли как чудака. Такая реакция на рифмоплетство вполне законна.

Встречаются среди подобных сочинителей и такие, которые берут более знакомые и общие явления. Но вся беда в том, что и они не подходят к разрешению темы поэтической, а занимаются безжизненным и поверхностным обозрением предметов:

Раньше я спала на печке,
А детишки на полу,
Теперь спим мы на кровати,
Стонет радио в углу.

(кубышевский сборник)

Факт верен и общественно важен. Но как о нем сказано? — беспомощное перечисление, бледная, лишенная эмоции форма... Для того чтобы говорить о зажиточной жизни, совсем неизвестно перечислять все, что куплено на заработанные трудодни; надо создать живой, убедительный, поэтический образ этой зажиточности — и мы находим такой образ как раз там, где ни слово не сказано о перинах и т. п.

Есть и частушки, сочиненные в деревне, но созданные на какие-нибудь местные, чисто злободневные темы. Включение их в сборник областного значения — ошибка. При выходе за пределы той деревни, где частушка была создана, она становится не самокритичной, а клеветнической:

Неизвестно для чего
Избачи приставлены,
Все культурные дела
В сторону отставлены.

Чайник чистый, чай душистый,
Кипяченая вода,
В нашей школе дисциплина
Не годится никуда.

(Ивановская область)

Изба-читальня какого-то села со своим спящим избачом волей-неволей типизируется, и частушка дает клеветническое обобщение, будто все избы-читальни у нас никуда не годятся. То же самое и с частушкой о школе. Слово «наша», имевшее местное значение, при выходе из деревни звучит как неверное обобщение.

Но больше всего среди подделок — частушек схематических. Они дают, вместо сложных и противоречивых образов и характеров, абстрактную схему:

За колхозом в чаще леса
Распевает соловей.
Я Ванишу разлюбила —
Больно мало трудодней.

Серы уточки летели,
Над полями крякали.
Комсомольцы шли на фронт,
Девушки не плакали.

Ни характера, ни правды нет в этих схемах. Кто это, например, поверит, что девушки не плакали, когда их любимые уходили на фронт?

Народная частушка пользуется приемом сравнения не как самоцелью, а как средством композиции, наиболее точно выражющим смысл. Удивительны меткость, конкретность, естественность сравнения в частушке. Молодого парня, одиноко расхаживающего по ночам с тоской о потерянной девушке, вдруг останавливает образ когда-то срубленной и оставленной в лесу березы. Этого довольно, чтобы связать образ оставленной березы с образом потерянной девушки:

Срубил белую березу,
Да в лесу осталася.
Любил девочку три года,
Да мне не досталася.

Но в частушке поддельной сравнение позицирует без действия, не связывая ни строк, ни мыслей:

За рекою да за Волгой
Серебром разлился пруд.
Весел, радостен и легок
Наш колхозный ныне труд.

Разыгралась в реке рыба
Так и плещет серебром,
Эх, со мной бы ты бы,
Пойду-сяду на паром.

(кубышевский сборник)

Таких безвкусных, неуклюжих сравнений народ не допустит — это дурная литература. И что здесь к чему, понять очень трудно; сравнения вставлены для «украшения», но не для связи.

Сравнения в халтурных частушках доходят до пошлости, вроде:

Мой миленький, красиенький,
Красивее банта.
Служит миленький во флоте
Красным лейтенантом.

(курский сборник)

Даже с точки зрения одной лишь литературной ценности мы увидим тут шаблон и бесцветье:

Разыгрался ветер буйный,
Разыгрался, как свирель.
Сколько грамотных, культурных
Стало девушек теперь.

И такая безответственная работа над сравнением приводит к большим срывам политического характера.
Вот какую частушку встречаем в куйбышевском сборнике:

У колхоза, у колхоза
Все, как есть, сбывается,
У колхоза счастье в гору
Возом поднимается.

Представьте себе воз, который с большим трудом едет в гору. И это счастье колхоза? — Ложная, надуманная параллель, и сравнение получилось пошлое, политически вредное.

Такие ложные параллели мы часто видим в частушках этого типа. Они строятся очень просто: берется известное начало старой частушки и механически приписываются две новых строки — вот и все. Расплодилось таких частушек очень много.

Встречаются и такие частушки, которые невозможно понять, так они несущи:

Ты лети, аэроплан,
В небо серой пташкой.
Сошью красный сарафан
С черными букашками.

Закат красный, как варенье,
Разлился по Жигулям.
Мы с миленьким на комбайне,
Всем завидно королям!

На дворе мороз трескучий,
Ночь светла, ясна луна.
На колхозную работу
Нам не надо летуна.

Ходят девушки по кругу
Машут шелком и руками,
Нашу собственную землю
Приивают каблуками.

(из указанных сборников).

Несколько слов об эпитетах в поддельных частушках:

В Красной армии миленок,
Привет тепленький прислал.
Эй, играй, гармонь моя,
Под частушки сочны.
По-стахановски работать
Пребольшущий интерес.
Всюду бойко землю пашут
Нам стальные трактора.
Не забыть мне синий вечер,
Что растаял над рекой.

Даже по одним этим эпитетам можно узнать, что выписанные двустишия — народные.

Эпитет в народной частушке обычно отсутствует. Вместо того чтобы характеризовать пение эпитетом «звонко», народ пользуется приемом гиперболы:

Через тридцать три оврага,
Через темненый лесок,
Через поле яровое
Подам милке голосок.

Таким образом, не навязывается готовая оценка голоса, слушатель сам решает, звонкий ли это голос. Во всех таких случаях эпитеты совсем ни к чему. Что «трактор стальной» — знают все, что «утренняя роса мокрая» — тоже, и вечерняя — не сухая; «велосипед дорогой», а что же это за велосипед, если он не дорогой; привет «тепленький» — не слишком ли вяло? Эпитеты в под-

дельной частушке восполняют пустые места, не заполненные содержанием. В народной же частушке только тогда дается эпитет, когда он лучше всего выражает образ и мысль:

Ты играй, гармонь моя,
Сегодня тихая заря,
Сегодня тихая заря,
Заплачет милая моя.

Весь образ, все настроение создается через эпитет — «тихая заря». Подлинно народные произведения отличаются исключительной гибкостью и правильностью языковых фигур, точностью выражений. Поддельные частушки всегда грешат против этого. Почти в каждой из них что-нибудь неблагополучно в языковом отношении.

Приведем несколько примеров:

Как в советской-то стране
Хорошая мода:
С мужиками наравне
Женщине дорога.

Право женщины на равенство с мужчиной не может быть «модой».

Стонет баня у реки,
Где водянка мелет.
Ходят в банию старники
По три дня в неделю.

Мы говорим ветрянка, образовывая это слово от ветра, но еще нигде у нас не говорят «водянка» по аналогии с ветрянкой: водянка — болезнь. Не говорю уж о самой частушке, нелепой до предела.

Потрудились много летом,
Было весело, не лень,
Но зато теперь получим
Почти пуд на трудодень.

«Зато» говорят обычно в том случае, когда получают вознаграждение за какие-то мучения, лишения, а здесь получают за труд, и «зато» никак не подходит.

С ветки листик обломился,
На сырь землю упал.
Новый путь для нас открылся,
Старый где-то запропал.

Не окончательно ушел, а только «где-то запропал»? — Что за идиотская болтовня!

Ложность обнаруживает себя часто и в стремлении сктурцики окургизить слова, сделать их уменьшительными, засахарить их гладеньким ритмом, выдать набор бесвязных слов за писковую:

Раздайся, народ,
Ко сторонушке.
Научилась я пахать
На «фордзонушке».

(ивановский сборник).

Народная поэзия отличается полизвучностью рифмы (если она есть). Халтурщики не понимают этого и всегда стремятся втиснуть очередное новетрие литературы в свою псевдо-народную поэзию. Вот как это выглядит:

Без креста и без попа
Вышел ныне рай на м.

Без серпа да без цепа
Действуем комбайном.

Составная, изысканная, чуждая языку рифма звучит так неестественно, что спеть эту частушку без таких же вывертов невозможно.

Ассонанса (в литературном понимании и литературной практике современных поэтов) народная поэзия не принимает, и по одной рифме сразу определишь подделку:

Ты, Матрена, не тужи,
Я не помираю,
На два годика служить
К границе уезжаю.

В народной поэзии ассонанс так четок, так точен, что при сравнении его с полной рифмой разницы не чувствуешь: «Ни усов, ни бороды, ни сохи, ни борны». «Что сожнем, то и сожрем». «Каковы сами, таковы и сани». «Запьем, так избу запрем». «Без денег — бездельник». «Как деньги при бедре, так пошумят при бедре». «Или покойник, или полковник». «Взял бы шубу, да боюсь шуму!». «Хоть неграмотна, зато памятна». «На ноге сапог скрипит, а мать под торбой крипит». «В глаза льстит, за глаза мстит». «Хлеба край, так и под елью рай». «Не суй ногу в воду, пока не измеришь броду»².

Мы нарочно мешаем пословицы, построенные на ассонансах, с пословицами, построенными на полных рифмах, чтобы показать, что разницы в звучании между ними не ощущаешь. Вместо сложной, вычурной рифмы: «рай нам — ком же частей речи, например: «при бедре — при беде», «по ягоду — по клюкву, и звуковую сторону частушки, пословицы и песни.

Точность ассонанса и рифмы иногда поражают своим мастерством и неожиданностью:

Милый курит цыгарочку,
Меня любит, цыганочку.

Не кури, милый, сигару,
Голова болит с угару.

Сыграй, милый, в разлив, в разлив,
Мое сердце в разрыв, в разрыв.

Здесь уже рифмуется все слово, оно, как одинаковые геометрические фигуры, накладывается на другое слово и полностью совпадает, добиваясь абсолютного звучания.

Необычайно богата в частушке звукопись. Она каждый раз меняет свой характер и свое место в строфе. То остановится на конце каждой строчки:

Подруженька, ишь-ты,
Чего говоришь ты,
С моим миленьким гуляешь,
А мне не велишь ты?!

то рассыпается по всей строфе в повторах, которые не надоедают, а звучат каждый раз по-новому:

Милый, чо, милый, чо,
Милый сердишься на чо?

¹ В. И. Даль. Собрание русских пословиц.
² М. А. Рыбникова. Собрание пословиц.

Чо ли люди чо сказали,
Чо ли сам придумал чо?

то вдруг стихийно подберутся слова, начинающиеся на одну букву и заключающие в себе эту букву:

Открой, маменька, окошко,
Одну половиночку,
Отпусти гулять немножко,
Одну вечериночку.

Здесь нет литературной нарочитости, разнообразие является следствием того, что сам язык, которым говорит народ, необычайно разнообразен и богат в звуковом отношении.

Но сочинители подделок, даже при правильном соблюдении строфики и рифмовки, все же пишут формально плохие частушки, потому что не учитывают того, что рифма в частушке управляет синтаксисом и внутренними паузами.

Для детей открыли ясли.
В молоке, сметане, масле
Хоть купайся, детвора!
Пришло времячко пора!

Нужного согласования между предложениями и рифмующимися строками поэт не нашел, и частушка его может петься только так:

Для детей открыли ясли.
В молоке, сметане, масле.
(пауза)
Хоть купайся, детвора,
Пришло времячко пора!

А вот старая народная частушка с рифмовкой такого же типа:

Неужели по нутру,
Будят рано поутру,
По такому холоду
Посылают по воду?

Здесь рифмы соответствуют паузам и законченным смысловым единицам предложений.

Нам кажется, что приведенные нами образцы доказывают существование объективных критерев, на основании которых можно судить о художественной подлинности, о народности частушки, о ее культурно-политической ценности. Разумеется, работа по уточнению и конкретизации этих критеревов трудна. Но пора сделать хотя бы первые шаги. Организациям, занимающимся вопросами народного творчества, пора уже поднять и возглавить борьбу за распространение народных, а не фальсифицированных частушек. Для этого было бы очень кстати издать антологию лучших образцов частушечного творчества в хронологическом порядке, со времени появления их до наших дней. Такая антология дала бы возможность сделать более глубокие наблюдения. По ней стали бы равняться собиратели и составители сборников частушек в центре и на местах.